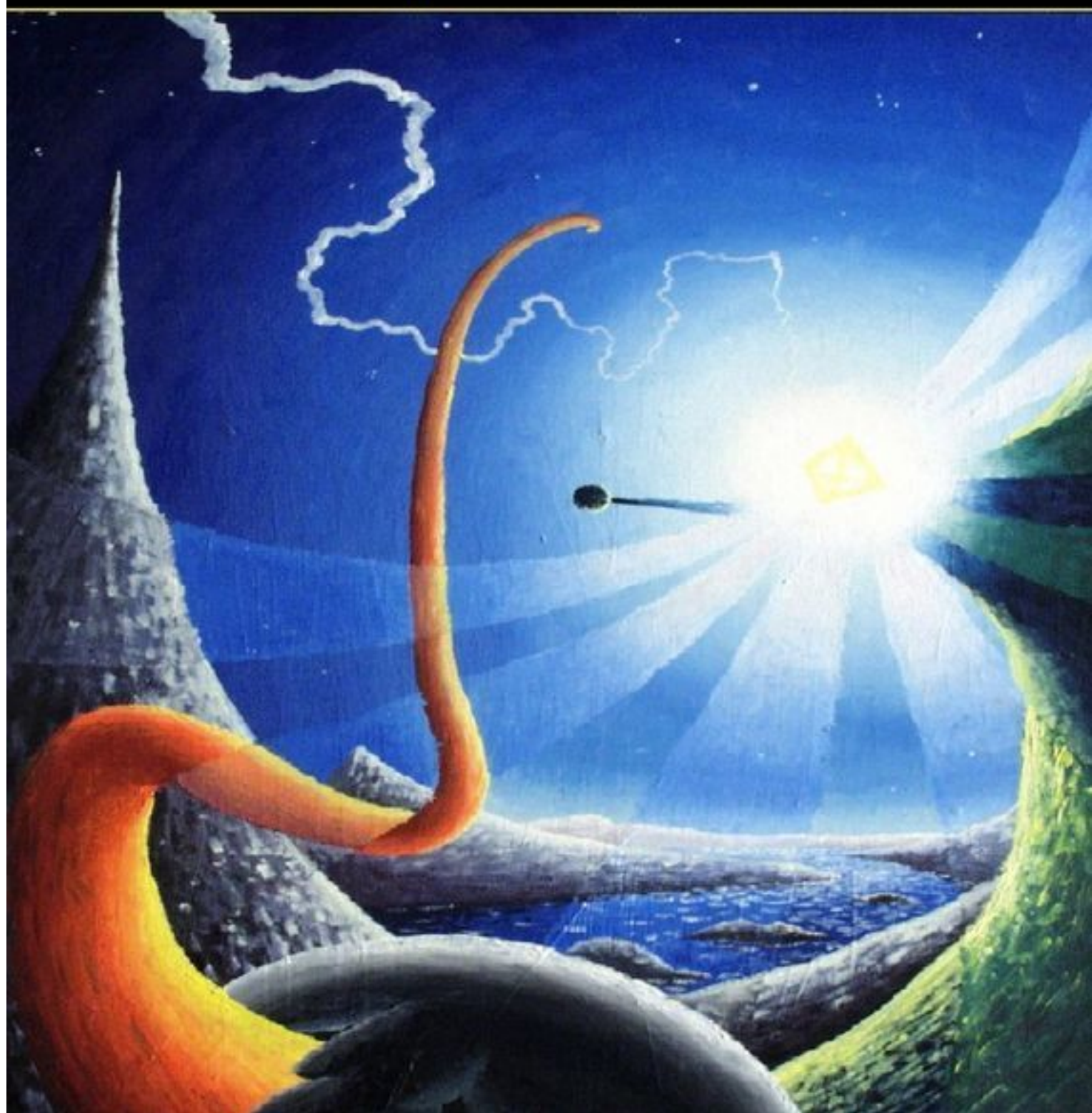

Сергей Сюрсин

ФАНТАСТИКА

Химеры Летящей

Сергей Сюрсин
Химеры Летящей

«Издательские решения»

Сюрсин С.

Химеры Летящей / С. Сюрсин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741779-6

В третью книгу собрания сочинений вошли фантастические повести и рассказы, различные по тематике и созданные в разное время.

ISBN 978-5-44-741779-6

© Сюрсин С.
© Издательские решения

Содержание

Фантастические	6
Керкира	6
Запретная зона	24
Крушение	24
Планета-призрак	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Химеры Летящей

Сергей Сюрсин

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Михеев

© Сергей Сюрсин, 2018

© Игорь Владимирович Михеев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-1779-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фантастические повести

Керкира

Последний завет

Она ждала... И все племя, собравшееся вокруг Нее, ждало. Сплоченное, единое, словно живой организм, ждало. Оборванные, грязные люди, забывшие, что такое душ и ванна, забывшие многое из того, что знали их предки, ждали Ее слова. Ее движения, жеста, мимики. Потому что от этого зависела их жизнь, их будущее.

– Н-н-ет! – выдохнула Она.

И племя, рассыпавшись на отдельные особи, уныло разбрелось к стенам. Жестким, костлявым, холодным. Но в то же время надежным, сберегающим их от той стихии, что ярилась, бушевала там, за стенами, неприступными для нее. Здесь было тихо. Но голодно. И холодно. Не так, как там, снаружи, но несоизмеримо с ним. Здесь можно было выжить, там – нет. Взбесившаяся стихия рушила все – деревья, скалы, высасывала воду из озер вместе с рыбой. Рыбаки зачастую возвращались, разводя руками и не в силах объяснить буйство стихии.

Спасали охотники. Нашли недавно стадо оленей. Град размером с теннисный мячик, – Она не знала, что это означает, – побил все – и деревья, и оленей. При этом убило троих охотников, но это не так страшно. Есть еда, ее можно принести. А это главное. Еда восполнит силы и даст сил возродить племя. Вот только нельзя сейчас, в данный момент. Что-то опять надвигается. Она это чувствовала. Интуитивно. По давлению небес. По электрической ауре, колышущейся вокруг людей и наполняющей своими сполохами пещеру. По гнету, давящему изнутри. По стелющемуся лесу, затихшему в ожидании чего-то ужасного. Потому Она сказала «нет». И люди подчинились. Хотя были голодны и злы. Но их злоба распространялась не на Нее, – Она это чувствовала, – а на тот мир, что грохотал и злобил у входа. Мир, обозленный на них, людей. А они, обозленные на него, стояли у входа и ждали, зверея. Зверея на него, на окружающих, на все кругом. На Богов, наконец, которые допустили это. Допустили, чтобы они, люди, скатились до такого состояния, до питекантропов, австралопитеков и всех прочих тогда, когда казалось, что весь мир в кармане, что они, люди, управляют миром и стихиями на планете, что они... Боги! И вот свершилось.

Исчезло все. В течение нескольких лет. Где те мировые державы, что так гордо и властно управляли миром? Могучие цивилизации, да вообще цивилизация всей Земли, несокрушимая, должная существовать вечно, канула в небытие. Человек возмнил себя Богом, и где он? Что осталось от былого? Природа надругалась над Разумом. В очередной раз. А ведь предупреждали далекие предки. Но кто ж поверит им? Далеким. Легендарным. Превратили все в сказку и даже не докопались до крупницы истины. Что Солнце каждые двенадцать тысяч лет проходит через плоскость Галактики. Что возрастает температура от сближения с другими звездами и центром Галактики. Что здесь, в гуще больше блуждающих планет и астероидов. Что возрастающая от сближения Солнца с центром Галактики и соседними звездами гравитация сдвинет и перемешает то месиво планетоидов между Юпитером и Марсом и обрушит обстрелом на все планеты. И на Землю. Что на самой Земле от возросшего тепла растают ледники на полюсах и горах, а высвободившая волна захлестнет материки и скроет под собой сушу. И ничего не останется на Земле. Она это узнала. Но уже позже, когда уже не было смысла узнавать.

Потому что не осталось ничего – ни городов, ни тупых, думающих только о себе и своих деньгах правителей, ни техники и ученых. Все вернулось. Опять. В каменный век. И тем горстка разума, что каким-то образом умудрились выжить на планете, приходилось приспособляться, выживать, чтобы опять возродить цивилизацию. Опять. В который раз. Как говорили майя, уже в шестой. Она много из этого не понимала, Она не знала, а может, и забыла, что означают все эти слова и знания, которые Она носила в себе. Но знала одно – это все неспроста, это не Ее бред, не выдумка. Так надо! И хоть все они погибнут, умрут, но через пять тысяч лет Ее пра-пра-потомки и потомки других, спасшихся где-то в других уголках планеты, возродят все то, что потеряли ее предки. И ради этого стоило жить!

– Мать Му, – неслышно приблизившийся Охотник остановился в отдалении, – скажи слово.

– Нет, – повторила Она. – Ты слышал.

– Я слышал, Мать Му, – вождь замялся. – Но когда?

– Когда соизволят Боги, – Она обратила на него грозный взгляд. – Жди!

Вождь, ужаснувшийся своей смелостью, покорно уполз в темноту.

Она опять повернулась к отверстию пещеры. Только там был свет. Истинный свет. Только там можно было ждать ответа. Вот только будет ли он? Она каждый раз усомнилась в этом. Правильно ли Она истолковывает то, что приходит Ей? Правильна ли будет ответ? Она этого не знала. Оно то приходило, то уходило, это предчувствие. И постоянно Она колебалась в интерпретации этого предчувствия. Оно же неуловимо. Не скажет «нет» и не скажет «да». Только ты сама можешь сказать – «да» или «нет». А верный ответ неизвестен. И только по мановению фибр души, по чему-то такому, что гнетет тебя и неслышно подсказывает, направляет, ты знаешь. И говоришь Слово. Откуда это все зарождается, что руководит Ей в такие моменты. Она, как ни пыталась проанализировать, этого не знала. Но говорила Она правильно. И народ слушал Ее. Даже вождь, новый, молодой, убивший Старого вождя, хоть и нехотя, но подчинялся Ей. А что будет, когда Она уйдет?

Свое прошлое Она помнила смутно. Давно это было. В сравнении со всей Ее жизнью. Маленькой себя помнила. Город, квартира, покой. Удобная кровать и коляска. Голоса отца и матери. Ворвавшийся откуда-то голос деда, приехавшего издалека и требующего чего-то. После этого все изменилось. Дальняя поездка на машине, тряска, неудобная езда на чьих-то спинах, больно кусающие насекомые, жизнь в пещере у костра, на берегу озера, скандалы взрослых и тихий плач матери. И постоянная диктовка, требование запомнить, что они говорят. Потом дожди, снега, грохот, вздрагивающая земля. И люди, появившиеся их леса. Деревенщина, оленеводы и рыбаки, они шли сюда, к Сейд-озеру, чтобы спастись. Что они знали? Да ничего. Единственными знаниями обладали дед с родителями. Они и возглавили народ. Когда-то, говорил дед, в позапрошлом цикле здесь была страна Гиперборея, здесь спасся и вышел в прошлом цикле народ, обжил Мурман, а затем и всю Европу, и весь мир. Теперь же в нашей жизни это следует сделать нам.

Они уже давно умерли, – и дед, и мать, и отец. Единственным носителем знаний осталась Она. Кто будет после Нее? Сын предрасположен больше к охоте, чем к древним знаниям. Нового вождя не интересуют древние знания, которые не дают еду. Стремясь досадить Ей и усилить свое влияние и власть, он рисует на скалах рисунки оленей. Такое уже было. Дед когда-то рассказывал про такие рисунки. Утерев знания и культуру позапрошлой цивилизации, люди начали жизнь с начала, с первобытного состояния. Так же рисовали картинки на стенах. Ее же цель – сохранить знания и не позволить своему народу опуститься опять до пещерных людей. Так было, но не должно повториться.

– Вождь! – властно произнесла Она.
– Слушаю тебя, Мать Му, – вождь был поблизости.
– Нам пора уходить.
– Куда?
– На юг, – Она поправилась. – К солнцу.
– Но зачем? – возразил тот. – Нам и здесь живется неплохо.
– Уже плохо, – Она помедлила. – Стадо погибло. Пришел большой снег. За ним придет вечный снег. Погибнет лес, мох. Погибнет все живое. Погибнем и мы.
– Ты не права, Мать Му. Разойдутся тучи, и опять засветит солнце. И все будет. Как всегда.
– Уже не будет. Этот град – начало беды. Так меня предупреждали Предки. Так чувствую я.

– Ма! – Ольга всегда называла Ее так в отличие от всего племени. Ма – это была привилегия ее и никого другого. Потому что Ольга была Ее дочерью. Рожденной от Другого. Которого звали Свен. Он был из норгов, из Скандии...

И сказала Она:

– Пришла Волна. С каждым днем она подбирается к нам все ближе и ближе, захватывает наши земли, отбирает корм у наших оленей, забирает наши жизни. Мы не сможем бороться с ней. Вода непобедима. Мы погибнем, если останемся здесь. Надо уходить! – и она отрядила три группы по два человека на три стороны – запад, юг и восток – с заданием найти проходы на Большую землю. Так она решила.

И Свен ушел. И с ним Радо. Радо тоже был нездешний, откуда-то с юга. Черноволосый, смуглый, он сильно отличался от светловолосого и бледнокожего Свена, что несколько не помешало им сдружиться накрепко.

Фелугу отца Радо с женой, детьми и близкими, Волна захлестнула на Адриатике, от которой к тому времени осталась только кучка островов, и пронесла непонятно каким образом и какими ветрами через всю Европу. Не ведая, они проносились над канувшими в воду Берлином, Веной и Парижем, чуть было не прибились к островам, бывшим некогда Альпами. Но течения гнали лодку опять вглубь вод. Спустя многие месяцы она оказалась на мели у острова, на котором обитали норги. На борту норги нашли одного исхудавшего и умирающего от голода и жажды мальчика. Он выжил. Его звали Радо.

Они ушли по фьорду. Это так называлось раньше. А по настоящему просто спустились к берегу, сели в лодку, сшитую из оленьих шкур, и поплыли на восток, к мерцающим над морской гладью дальним островам. Гребли днями и ночами, в снег и дождь, шторм и туман. У Свена было врожденное чувство ориентирования, чем Радо, к сожалению, не обладал. Зато Радо был отличным рыбаком, и в пути у них, пусть не каждый день, но всегда была рыба, которую он каким-то своим рыбацким чутьем выискивал и вылавливал. Спали по очереди, но предпочитали спать на твердой земле. Так надежнее. Поэтому иногда гребли до изнеможения по несколько суток кряду. Но все-таки попали в торнадо...

Очнулся Свен на берегу острова, вблизи которого проплывали. Больше он ничего не помнил.

Когда в Город принесли чужака, Она, в отличие от других, не удивилась. Дед говорил, что выживут, возможно, и другие. И эти, другие, будут искать выживших. И это свершилось!... спустя почти полвека. Как долго!

Другой не был похож на Людей. Светловолосые, чуть с рыжинкой волосы, голубые яркие глаза, слова, непонятные никому. Это была диковинка, что-то непонятное для них.

Она сразу перетащила чужака в свой дом. Конечно, Ей помогли, дотащили до Врат. Дальше Ей пришлось одной, отдуваться, пыхтеть, изнемогать от бессилия, но волоком тащить его из опасной зоны до своих комнат. Где уже не было Страха.

Со Страхом они столкнулись впервые, когда исследовали Город – пещеру с множеством ходов и ответвлений, в которых впору заблудиться. Даже сейчас смельчаки, а особенно дети уходили вглубь пещеры и иногда не возвращались. Особенно, если попадали во Врата Страха. Были такие ходы, войдя в которые человек забывал обо всем. На него накатывала волна страха или же, наоборот, безмятежности, покоя... и смерти. Дед говорил, что это очень опасно. Какой-то «инфразвук», который останавливает сердца и разум, но Она не очень-то понимала. Знала одно, – если через этот опасный участок проскочить, дальше уже безопасно. Главное – обостренно чувствовать и избегать таких мест.

Зато никто из людей сюда не входил. Жутко боялись. И здесь Она была свободна абсолютно. Здесь все было по Ее меркам.

Чужого Она выхаживала несколько дней. Переломов не было, были только сильные ушибы и синяки, ну, может, пара сломанных ребер. Главное, что руки и ноги оказались целы.

А потом было еще хуже. Пока он лежал без сознания, Она могла делать с ним, что хотела. Но когда он очнулся, первую преграду поставил языковой барьер. Этот чужак абсолютно ничего не понимал! И все время срывался куда-то идти. Целыми днями она заставляла его понять свои слова и старалась запомнить его. И как-то так случилось, что они стали близки. У Нее был сын. Отца для него Она сама выбрала из лучших мужчин племени. Сын стал охотником. А Она опять осталась одна. И вот теперь Свен. Так звали чужого. И Она открыла ему свое имя. Которое открывают только тому, единственному. Кто заберет твою душу, узнав твое имя. И он забрал. Сколько уже лет прошло, как он, окрепнув, опять пошел дальше, на восток. А Она до сих пор помнит его и ждет, надеется, что он вернется. Зачем Она сказала ему свое имя! Тому, первому, отцу сына, Она не открыла. А этому... Теперь приходится страдать вечно и искать свою душу...

– Ма! – сказала Ольга. И болью отозвалось. Ольга была ее дочерью. И его. Такая же рыжеволосая, голубоглазая. И умная, любознательная. Ее опора и преемник, когда Она уйдет в другие дали. Она учила ее всему, что знала, что долго и упорно – всю жизнь – вбивал в Нее Дед. Сейчас это не кажется странным, а тогда...

Тогда Она была маленькой. Очень маленькой. Из того времени у Нее сохранились лишь смутные, подернутые дымкой времени воспоминания...

...Коляска мерно укачивает... Мамина грудь, полная вкусного молока... Куча всевозможных игрушек, интересных, непонятных... Ветер, врывающийся в окно машины и не дающий вдохнуть воздух... Голубое небо и что-то там такое яркое, ослепительное, что невозможно смотреть... Пещера с белыми квадратными стенами и ровным потолком... Музыка... Картинки на квадратном экране... Мультки...

Потом все резко изменилось. Эта пещера, ставшая Ей домом, а затем и Городом, когда пришли другие. И Дед, постоянно заставлявший Ее запоминать что-то, чего она не хотела

и не могла запомнить. Из-за непонятности, абсурдности. Но он требовал запомнить. Для будущего. И Она, тихо плача по ночам, старалась запомнить.

Ольга тоже плакала, не понимая, смиряясь перед Ее напором, но старалась запомнить. Что она запомнит? Что использует в своей дальнейшей жизни? Что запомнила Она? Может, один процент, да нет, намного меньше, из того, что знала Цивилизация. А что использует дочь? Тоже также. Разве ее интересует телевизор, поезд, самолет? Полнейший абсурд! Что интересует племя, что нужно для его выживания? Пещера, огонь, чтобы было тепло и уютно. Копье, лук и стрелы, нож – чтобы убить оленя. Лодка, леска, крючок, – чтобы поймать рыбу. Все, больше ничего. Ради выживания. Остальное, что внушал Дед, – теорема Пифагора, солнечная система, велосипед и прочее – блеф, сказка, вымысел, не имеющий применения в этом мире и ненужный никому.

И останется после Нее Ольга. Со своим, опустившимся на еще более низкую ступень племенем. С еще более деградировавшим разумом. А после Ольги – ее дочь. С каким уровнем разума? «Питекантроп» – всплыло в мыслях слово Деда.

– Ма! – сказала дочь. – Надо решать.

Решать было надо. И незамедлительно.

– Созывай племя, – сказала Она.

Ох, как больно подыматься и идти. Сколько Ей еще мучиться в этой жизни. Руки и ноги, скованные негнущимися суставами, плохо слушались. Пересиливая боль, Она медленно побрела к выходу, с каждым шагом накачивая себя силой. Она должна, должна быть великой, всесильной и всемогущей. Чтобы племя видело Ее такой. Вечной. Несокрушимой. Матерью Му. Их матерью. А иначе...

Племя уже собралось. Она поднялась на возвышение, на которое могла ступать только Она.

– Дети Му, – начала Она, – мои дети! Вы всегда и во всем слушались и подчинялись Заветам, что оставили нам наши отцы. Но вот эти Заветы нарушены. Горе нам, горе детям и внукам нашим! Мы ослушались их. И теперь нас ждет кара.

Люди зароптали. Они знали, но каждый воспринимал произошедшее по-своему.

– Люди! – воскликнула Она, собрав всю силу легких. – Вы все знаете Заветы. И вы знаете, что если мы нарушим хотя бы один из них, мы превратимся в животных. Это нам зарекали наши предки. Вы хотите стать животными?

– Нет, – отозвался кто-то.

– Оленями, которых мы едим? Медведями, собаками и волками, которых мы убиваем за то, что они отнимают нашу еду? Рыбой, которую мы ловим?

– Нет! Нет! – раздались возгласы.

– Тогда мы не должны становиться на одну ступень с ними. Не должны нарушать Заповедей. Вы согласны?

– Да. Согласны, – это был уже общий хор.

– А если согласны, то скажите, как должны мы поступить. Человек нашего племени нарушил Завет и убил человека. Как мы должны с ним поступить?

Толпа замерла. И было от чего. Человек человека еще не убивал. Никогда. Но это свершилось. И никто еще не мог осознать, понять этого.

– Вождь охотников, – Она запнулась, – молодой вождь, что ты скажешь в свое оправдание?

Молодой вождь, стоявший в группе охотников, отделился и вышел перед Ней.

– Я не убивал вождя, если ты имеешь в виду меня.

– Еще никто никогда не убивал человека. Ты стал первым.

Олень был уже близко. Загонщики, отбив его от стада, воплями и шумом гнали его на засаду. Вождь первый метнул копье. И промахнулся. Копье вонзилось в бедро оленя. Тот споткнулся, упал, но тут же вскочил и продолжил свой бег. Но копья других охотников оставили его.

Охотники торжествовали. Пища для племени лежала у их ног, содрогаясь в последних конвульсиях.

Внезапно сзади раздался рев. Прорываясь сквозь кусты, на прогалину выступил медведь, учуявший запах свежей крови.

Медведь в считанные секунды раскидал своими мощными когтистыми лапами несколько человек, прежде чем остальные опомнились и оцетинились копьями. У Вождя копья не было, – оно торчало в бедре оленя...

Когда медведь, истыканный, словно иглами копьями, издох, охотники занялись покаленными товарищами.

Вождь был еще жив. Медвежьи когти располосовали грудь. Осколки ребер торчали наружу, и с каждым вздохом между ними струйками выбивалась кровь. Это был конец, дорога в Дальний путь, и возврата назад не было.

И тогда он, Молодой вождь, склонился над Вождем и, всунув руку меж сломанных ребер, выдернул. В руке у него было сердце.

– Вождь, ты не умрешь, – воскликнул он. – Ты будешь жить во мне!

И он съел сердце Старого вождя.

Охотники, сгрудившиеся вокруг него, раздались в стороны, ошеломленные произошедшим. Никто! Никогда! Даже в самые тяжелые времена! Не ел человеческое мясо! Так требовали Заповеди. Так требовала Мать Му.

– Я не убивал, – повторил вождь. – Убивают ради охоты, ради еды. А я его не ел. И не охотился на него. Я просто забрал его сердце. Ведь так? – обратился он к охотникам. – Я же не ел его?

Охотники смущенно и невольно подтвердили это.

– Старый вождь уже был стар, – продолжил молодой вождь, – и уже не мог как раньше выслеживать добычу. А я мог лучше. А вдвоем мы стали еще лучше охотиться. Потому что, – молодой вождь гордо выпрямился, – мы теперь вместе. Я съел его сердце, и теперь он во мне. Вдвоем мы сильнее. С его опытом и моей сноровкой мы будем вдвое больше добывать еды. И никто не будет голодать.

– Верно. Верно, – зашептались люди.

– Ты ошибаешься, вождь, – взмахнула Она руками. – Ты глуп и не понимаешь, что превращаешься в животное. Ты даже не понял, что убил. Человека. Ты уже животное. Хотя и выглядишь, как человек. Кто ты?

– Я – человек, – Молодой вождь попятился, оглядываясь на своих. Но те раздались в стороны.

– Молодой вождь нарушил Заветы, – голос Ее окреп и обрел стальные ноты, – и он должен быть наказан. Человека, поднявшего руку на другого человека, ожидает смерть, – Она внутренне ужаснулась. – Так сказано в Заветах.

Племя молчало, соглашаясь.

Но как? – дошло тут до Нее. Ладно, он убил и за это должен умереть. Но тот, кто будет его убивать, сам окажется повинен в убийстве человека. И тогда его тоже надо будет казнить. Потом того, кто казнил. Потом того... Потом... Тогда все племя будет замешано в убийстве, все погрязнет в крови. Первое убийство человека человеком, – как же это ужасно! Замараны кровью будут все – мужчины, убивающие, женщины, соглашающиеся, дети, видящие все это.

И что в итоге? Одно, первое убийство, – и люди превратятся в звериное стадо, волчью стаю. Нет, Заветы неверны. Она ужаснулась. Впервые Она засомневалась в правильности Заветов. Так ли уж прав был Дед?

– Мы не будем убивать Молодого Вождя, – голос Ее был еле слышен. – Пусть он уходит.

Они еще не поняли. Они молчат, пытаясь переварить Ее решение. Но Она нашла его. Умереть – это легче, чем уйти из племени. Это долгая и мучительная смерть. Но Свен же ушел и не побоялся, – мелькнула мысль. Может, и этому повезет. Как знать? Свен-то не вернулся.

Вопящий и визжащий комок вкатился в пещеру. При свете огня Она не сразу распознала его. Но, поняв, не стала вмешиваться.

Лежащий затих, медленно расправляя стянутые судорогой руки и ноги, но остался лежать. Она скептически наблюдала, как в это тело, лежащее перед Ней, постепенно возвращается разум.

– Страх убивает, сын мой.

– Мне нечего терять, – невнятно выдавили стиснутые челюсти. Спазмы, сотрясавшие тело, постепенно спадали. Наконец, он поднялся, хотя ноги еще не слушались.

– Ты пришел, – сказала Она. – Пришел. – Вдохнула. – Наконец-то.

– Чем я провинился, Мать? – боль непонимания в вопросе. – Чем? Я же хотел, как лучше.

– Ты поступил неправильно.

– Это по твоим меркам неправильно.

– Неправильно по законам, по Заповедям.

– Плевать я хотел на твои Заповеди! Время сейчас другое. И жизнь другая. Мне надоели твои нравоучения. Ты живешь со своими предками и не даешь нам жить так, как нам хочется. Ты устарела, как и Старый вождь. Я потому съел его сердце, чтобы он дал дорогу нам, молодым. И остался с нами. Во мне, если уж на то пошло, – голос его сорвался в крик. – Вдвоем мы вдвое могущественнее.

– Ты ошибаешься, сын, – Она встряхнулась и поднялась, хоть это было нелегко. – Своим поступком ты вернул нас на тысячелетия назад. Так поступали наши предки. Очень далекие предки. Когда они только-только спустились с деревьев на землю. А мы, ушедшие по разуму далеко вперед, неужели мы будем возвращаться назад, к первоистокам? Опять превращаться в зверей? Ты этого хочешь!? Чтобы мы опять стали животными?

Он молчал.

– Я храню мудрость наших предков. Храню то, что оставил нам Дед. Это слишком малая толика того, чем обладала цивилизация. Ее очень сложно сохранить. И я не позволю никому, понимаешь, никому разрушить все, что нам удастся еще сохранить. Даже тебе, сын.

– Мама, – молодой Вождь упал к Ее ногам, – прости, мама. Я не понимаю всего этого. Возможно, ты права.

Ноги Ее ослабли, и Она опустилась на колени.

– Сынок, – обняла Она его, может, впервые за многие годы. – Сынок мой, радость моя! Почему так получилось? Я же хотела... Я же думала... Я же пыталась... Почему ты другой?

– Я такой, как и все, мама.

– Жаль. Я надеялась, что ты будешь не таким. Когда вырастешь. Хранителем знаний. Но ты не смог пройти Врата, хотя сейчас прошел. Смог бы раньше, стал бы другим. И познал бы все, – Она обвела рукой стены, – что здесь запечатлено. Ум, знания предков. И ты бы стал моим продолжением. Но я ошибалась. Гены проклятые во всем виноваты. Чего ждать от сына оленевода? Еще одного оленевода. Но я надеялась, – Она вздохнула. – Жаль.

– Ты должен уйти, – поднявшись с колен, Она сурово посмотрела на Молодого вождя.

– Но я не хочу умирать, мама, – он опять прильнул к Ее коленям. – Я молод. Я могу еще много сделать для племени. Я – лучший. Кто так метко кидает копье? Кто может по следам вычислить добычу?

– Ты должен.

– Но почему?

– Ты преступил закон.

– Все преступают его в чем-то, в каких-то мелочах.

– Это не мелочь. Ты убил человека.

– Старый вождь все равно бы умер.

– Когда-то, на заре прошлой цивилизации было племя. Инки или майя, не помню. Они тоже поедали человеческие сердца. Они плохо кончили. Это мерзко! Нет, я не позволю нашему племени дойти до этого. Ты показал пример. Если он останется безнаказанным, то завтра повторится. Завтра кто-то другой, посчитав себя сильнее тебя, захочет убить тебя и съесть твое сердце. Потом второй, третий... и так далее. И превратится наше племя в племя зверей. Волки, медведи. Они разгрызут, уничтожат наше племя. Нет, я не могу этого допустить. Прости меня, сын, кровь моя, плоть моя, – Она обняла сына и крепко прижала к груди, – но ты должен уйти. Сейчас. Ночью. Пока все спят. Я не хочу, чтобы завтра тебя убивали прилюдно. Это еще одно убийство человека. Этого нельзя допустить. Ведь кто-то должен будет тебя убить. А кто убил раз, будет убивать и дальше. Цепная реакция. – Слезы прочертили ручейки по Ее впалым морщинистым щекам. – Так что уходи. И прости меня за все. Дочь, – обернулась Она к темным закоулкам пещеры, – выйди, простись с братом. Он уходит.

Он ушел ночью. Не один. С друзьями и подругами. Человек десять. Все, в основном, из Ковчега. И это было хорошо. Пришлые плохо приживались, постоянно создавали проблемы. Хорошо, что не один. Один он бы погиб. А так, глядишь, выживет. И создаст свой род, свое племя. Ушел в шторм.

Он приближался медленно, но неотвратимо. Из дня в день все ближе и ближе. Мертвый, неуправляемый корабль. Гигант, плавающий остров. Не было на нем ни движения, ни дымка. А может, все скрадывало расстояние.

Охотники первые заметили его и встревоженные примчались в Город. У Нее тогда еще хватало сил забираться на вершину и наблюдать оттуда за медленным движением неуправляемой громады. Вскоре всем надоело следить за сонным течением вод, и Она установила на вершине сторожевой пост.

Только дней через десять корабль прибило к берегу, и он замер на отмели метрах в двухстах от берега. Рыбаки, дождавшись штиля, пошли к нему на своих лодках. А когда вернулись, на берег ступил чужой человек. Она ужаснулась, когда его привели к ней. Почерневшее от грязи лицо, слипшиеся заскорузлые волосы, давно не знавшие стрижки. Костлявые руки и выпирающие сквозь грязные бесформенные лохмотья ребра. Глубоко запавшие глаза.

– Мать Му, – сказал Рыбак, сам приведший чужого, – выслушай его.

– Кто ты? – спросила Она.

– Я бы хотел переговорить с главным лицом вашего племени, – недовольно ответил прибывший.

– Слушаю тебя.

– Но, – пришелец осекся и растерянно оглянулся.

– Ты стоишь перед Матерью Му, чужой. Выше Ее нет никого в стране Му, – сурово произнес Рыбак. – И негоже так стоять перед ней, – он ударил чужака по спине.

От удара тот упал на колени. Двое молодых рыбаков подскочили сзади и заломили ему руки.

Она хотела вмешаться, но Рыбак жестом остановил Ее.

– Отпустите, – все-таки сказала Она.

Рыбаки отошли, но чужак остался на коленях.

– Говори, – подражая моменту, царственно произнесла Она.

– Я – капитан Ковчега. На борту люди. Голодные. У нас нет еды, нет воды, одежды, огня. –

Капитан сник. – Ничего нет.

– Ты – Ной? – спросила Она.

Капитан удивленно взглянул на Нее.

– Нет. Ной умер. Уже давно. Откуда ты знаешь его?

– Я не знаю его. И не знала. Книгу одну читала.

– Ной был хозяином корабля. Так он называл себя. Хотя звали его как-то по-другому.

– Ясно. Хотел стать богом. – Она усмехнулась. – Понимаю. Чего вы хотите?

– Ной говорил, что будет суша. Мы пристанем и будем там жить.

– Увы, суша оказалась занятой. Что будете делать теперь?

– Не знаю, – капитан понурил голову. – Мы больше не выдержим. Перемерем все. Нас осталось в живых всего горстка. Может, – он в надежде поднял голову, – у вас найдется место для нас?

– Наша страна набольшая. Пищи хватает еле-еле. Чем вы можете быть полезны? Что вы умеете делать? – спросила Она. – Вы умеете пасти оленей? Можете охотиться, собирать грибы и ягоды, ловить рыбу?

– Мы выжили только за счет рыбы. Остальное... – он развел руками.

– Хорошо. Мы соберем Совет и обдумаем вашу просьбу. Выдели им рыбы, – приказала Она Рыбаку. – Забейте пару оленей. И воды. Побольше. Отвезите на корабль. Ты, – ткнула Она в пришельца, – останешься здесь. Расскажешь все. Если нет, – отправитесь отсюда. Навсегда.

Корабль назывался «Куин Мэри». Его построили незадолго до Потопа. Когда началось потепление. Которое все оттягивали, – сначала прогнозировали через сотни лет, потом – через десятки. Потом поняли, что оно неминуемо, оно уже наступило. Штормы, тайфуны и торнадо терзали берега континентов. Пробуждались вулканы, землетрясения разрушали города. Все это были звенья одной цепи. Только тогда стали задумываться. Что потепление не от техногенных причин, а иных – земных, космических. Астрономы вычислили период колебаний Солнечной системы в Галактике и сроки до максимального разогрева планеты. Историки расшифровали древние письмена майя о периодичности развития цивилизаций и о пятой, последней цивилизации. Вспомнили Тибет с его загадками и статуями представителей прошлых, сгинувших в волнах Потопов цивилизаций. И стали готовиться к наступающему очередному Потопу. Втайне. Причем знали о надвигающейся катастрофе только правящие классы, элита, богатые. Народ, это было, об этом знать не должен. Всех все равно не спасти. Большинство погибнет в Великой Волне. Кто же тогда захочет прозябать в последние годы своей жизни за нищенскую зарплату, умирать в бедности. Все бы захотели в последние дни пожить по-человечески. А это значит – брать в руки оружие и убивать. Всех. В первую очередь эксплуататоров, богатых. Затем тех, кто мешает; затем тех, кто пересекает дорогу.... В общем, узнай люди правду, крах цивилизации был бы неминуем. За считанные месяцы. И в подступающих волнах спастись было бы уже некому.

Поэтому подготовка к катастрофе велась втайне. Запасались продовольствием, строили океанские лайнеры наподобие Ноева ковчега. И даже космическую станцию. Глупцы! Они не догадывались, насколько долго это затянется.

Вот и на «Куин Мэри» собралась только элита. Места стоили сотни миллионов долларов. Только дельцы могли позволить себе купить билет. Они не скупились, знали, на что идут. И чего со временем будут стоить все их капиталы. Одного не могли понять своим недале-

ким умишком – что это не недельный, не месячный круиз. Что плавание затянется надолго – на десятки, сотни лет. Брала с собой телохранителей, прислугу, комнатных собачек.

Сначала все было великолепно. Плыли, приставали к еще незатопленным берегам за припасами и для отдыха, устраивали пикники, балы. Потом приставать перестали, – озверелое голодное население само было готово ради спасения разнести все, лишь бы оказаться на борту.

Затем пошли разборки. Элита привыкла командовать. А если на борту одна элита... Семья на семью, группа на группу, клан на клан. По утрам молчаливые матросы вытаскивали окоченевшие трупы и под общее молчание сбрасывали их за борт. Когда застрелили Ноя, капитан не помнил.

Дольше всех продержалась команда корабля. Дисциплинированная, подчиненная уставу, она держалась сплоченной группой и не ввязывалась в разборки. И когда после очередной разборки в рубке появлялся новый «хозяин», капитан привычно приставлял руку к козырьку.

А потом, когда все недовольные перебили друг друга, когда убивать уже было некого, капитан взял власть в свои руки. Впрочем, его вскоре тоже убили. Бунты и передел собственности происходили неоднократно. Нынешний капитан, ранее мичман, был уже шестым по счету.

– А как же пассажиры? – спросила Она. – Неужели никого не осталось?

– Почему же. Остались. Мы их охраняем, не позволяем никому навредить им. Женщин много, дети есть.

– Вы... – Она запнулась, – вы едите человеческое мясо?

Капитан промолчал.

– Отвечайте! – крикнула Она.

– Иначе мы бы не выжили, – нехотя ответил тот. – Но вы поймите, – умоляюще сложил руки на груди, – мяса нет, рыба ловится плохо или не ловится совсем. И так все эти годы... А, вам не понять! – махнул он рукой.

– Едите, значит, – выдохнула Она. – Пассажиров. Стадо из них содержите. Так!? Отвечайте!

– Ну, где-то так, – с трудом произнес капитан. – Но не только их. Своих тоже. Если старый, больной. Им же все равно.

– Ясно.

Капитан удрученно смотрел вслед удаляющейся во тьму фигуре.

А утром произошло нападение. С корабля сыпались маленькие фигурки и плыли к берегу.

Стройные ряды воинов, местами изломанные скалами и ложбинами, ошестинившись копьями, молча наблюдали за приближением пловцов. Некоторые не доплывали. Молча погружались в бездну и уже не появлялись на поверхности. Плывущие рядом не обращали на них внимания и только стремились к одной цели – к берегу.

Она собрала всех. Охотники, Рыбаки, Хранители огня, Воспитатели с детьми, – все были здесь. Было сказано: придет Ковчег, и на нем будут люди. Другие люди. Люди – звери. Пожирающие друг друга. Канныбалы. И зло, которое они принесут с собой, изменит мир.

И Зло пришло. Первые прибывшие нерешительно ступали по кромке берега, другие кричали, безумно и неразборчиво, прыгая по суше, третьи, выхватив из-за пояса длинные металлические ножи, угрюмо смотрели на стоявшую перед ними стену воинов. И выжидали.

Наконец, когда последний пловец выбрался на берег, один из них, судя по всему, вожак, что-то выкрикнул, и все скопом бросились в атаку. Размахивая саблями, пираты с воплями мчались на островитян.

И тогда Она подняла руку. Из задних рядов выступили лучники и натянули тетивы. Стрелы попадали в цель, люди падали, но нападающих это не останавливало. Пока они не напорлись на острия копий. Некоторые прорвались в ряды защитников, нанося своими саблями

опустошение, но в конце все равно погибали. Нанесенные ими бреши затягивались, и опять перед пиратами возникала неприступная стена, ошестинившаяся копьями.

Волна нападающих откатилась назад. От сотни человек осталось около половины. Удобная позиция, сейчас стрелы закончили бы дело... Но Она не могла решиться и дать сигнал. Те тоже были люди, кто бы они ни были, кем бы ни стали за годы своих скитаний. Люди. А людей итак осталось очень мало.

От толпы отделился человек, отбросил в сторону оружие и, подняв руки, показывая, что безоружен, медленно направился к ним. Вожак, поняла Она.

– Не трогать, – приказала Она. – Пропустить.

Воины расступились, открывая проход. Четверо охотников, направив на пришельца копья, повели его к Ней.

Она сидела на скале так, что подошедшие оказались на уровне Ее ступней. Так и надо, – подумала вдруг Она.

Пират что-то произнес, но Она не поняла и в свою очередь задала вопрос.

– Кто ты?

Тот недоуменно покачал головой и сказал что-то в ответ. И Она осознала, что тот говорит на неизвестном языке. Они не только чужды людям, но даже речь их непонятна. Переговоры невозможны! Убить всех!

Но тут вожак упал на колени и стал быстро, взхлеб говорить, указывая на своих людей, на корабль, на море.

И Она спасовала. Нельзя убивать людей. Просто так. Она поднялась и подозвала Охотника.

– Всех обезоружить. Привести в Город под конвоем. Если кто захочет вернуться на корабль, – не препятствовать. Будьте осторожны! – предупредила его.

Прибежали перепуганные рыбаки. Вода в озере стала соленой. И вся его поверхность была покрыта дохлой рыбой.

Она отрядила рыбаков, дав им в помощь охотников и всех свободных собирать рыбу. В пищу та еще годилась.

Значит, море прорвалось и сюда. А Она надеялась на лучшее. Почти пятьдесят лет прошло, как Солнце с Землей перевалили через плоскость Галактики. Вроде бы все позади. Излучения Галактики, растопившие льды Арктики и Антарктики, горные ледники, пошли на убыль. Метеориты не искромсали планету. Пробудившиеся вулканы не сожгли все кругом и не заслонили своим дымом солнце. Не вспыхнул Юпитер. Но не все сладко. Эти самые майя предрекали, что цивилизация пятая, последняя. Неужели они были правы? Может быть. Ведь затонули же в четвертую и Атлантида, и страна Му. Только Гиперборея выжила. Вот и они выжили. Потому что живут здесь, на останках той самой Гипербореи. Вон ступеньки, вырубленные в камне и уходящие на дно озера. Скала, оплавленная какой-то немыслимой адской энергией. Чье-то лицо в камне. Пещера, в которой живет племя, в которой, закрытой когда-то гиперборецами на замок Страха, Она создала свой Пантеон, гимн сгинувшей пятой цивилизации. На стенах которой записаны все Заветы, которые оставила эта цивилизация. Что еще ожидает их? Может, не зря пресное озеро стало соленым и убило всю рыбу? Не зря когда-то двадцать лет назад забрел сюда Свен и подарил Ей дочь? Он говорил, что Сканди медленно опускается под воду, тонет. Вот и до Му дошла вода. Когда все позади – голод, снега и холод, неустрашенность жизни. Когда обжились, успокоились, привыкли к стабильности. Все опять начинать сначала? Опять бежать, опять лишения и невзгоды, голод и смерть... Опять...

Опять стук у входа. Дочь сходила и вернулась, – тебя зовут, ма. Опять вставать и идти. Но что значит эта боль в сравнении с болью, когда проходишь через Врата, когда встает на дыбы

каждый волосок на коже, когда Страх и Ужас разрывают сердце. Сколько раз еще проходить Ей через Врата, сколько раз подвергаться этой муке?

Дочь пропадает в нижних пещерах. Нашла записи на стенах. Оставшиеся от гиперборейцев. Видно, не зря они поставили Врата Страх на входе. Только нужны ли они нам, эти письмены? Если от этой цивилизации нам уже почти ничего не нужно. Что для нас значат синхронизатор и космические станции? Набор звуков, интересное сочетание. А что это такое, Она уже и сама не знала. А может, знала, да забыла. Это знание не для жизни. Это для будущего, для потомков.

– Пришла Волна. Надо уходить. – Повторила Она. Вождям. Охотникам, Рыбакам и Лесовикам. И Хозяйке Дома. Когда сидели впятером на Совете. У Городского Огня. Остальные, самые любопытные, жались в сумраке и закоулках Дома, пытаясь хоть что-то услышать. Дочь тоже была. Стояла за Ней. Ей еще не положено было садиться в Круг Домашнего Огня.

– Надо уходить, – повторила Она. – Волна заберет все – земли, леса, оленей. И наши души. Надо уходить.

– Но у нас пока все есть, – возразил Старший рыбак. – Есть рыба в море. Есть леса, есть олени. Есть еда. Зачем же уходить?

– Волна пришла и уже не уйдет. Сегодня она убила рыбу. Завтра она убьет оленей. Что вы будете тогда делать?

– Тогда уйдем.

– Уже не уйдете. Волна перекроет дорогу. Мы на острове. Кругом вода. – Она достала и развернула карту. Она знала, что они ее не поймут, но так было убедительнее. – Здесь многое изменилось. Вода ушла на юг, и здесь появились новые земли. Но это все острова в океане. А нам нужно что-то более основательное. Здесь мы, – Она ткнула пальцем в островок, окруженный со всех сторон водой, – а здесь, – палец уперся в сплошное коричневое пятно, – материк. Нас с ним соединяет только один перешеек. Я не знаю, – Она помедлила, – существует ли этот материк или он под водой, но эти горы, – палец сдвинулся к востоку, – не должны были затонуть. И путь наш туда. Там спасение.

– Мать Му, – подал голос Лесовик, – зачем ты обрекаешь нас на страдания? Здесь есть все для жизни. Леса полны грибов и ягод. Даже если уйдут олени, мы сможем найти себе пищу.

– Это не вечно, поймите же, – воскликнула Она. – Волна затопит все кругом. И не будет ни ягод, ни грибов. Как не стало рыбы.

– Тогда и уйдем, – возразил Лесовик.

– Тогда уже не уйдем никуда. Волна закроет этот перешеек и отрежет нас от материка.

– А этот твой путешественник, норг, – язвительно заметил Лесовик, – ушел туда да так и не вернулся.

Свен. Свен. Почему же ты так поступил? Забрал душу мою, унес с собой и не вернулся. Я ждала тебя, ждала. Долго. Состарилась уже. Но все еще жду. Вернешься ли ты? Может, сгинул где-то в неведомых краях. Может, волки и вороны уже обглодали твои косточки начисто. Может, акулы растерзали тебя в морских глубинах. А может, идешь ты до сих пор на восход, идешь и не видишь себе остановки, улады. Вернись, ты же обещал! Дочь ждет тебя здесь! Твоя дочь! И я. Сломленная, упавшая.

– Я не знаю, почему не вернулся норг, – твердо вымолвила Она. – Но это не значит, что прохода на материк нет. И мы должны его найти. Выхода у нас нет.

– Но можно пойти на север, – подал голос Рыбак. – Там, на севере, видны земли. У тебя тут на карте их нет.

– Много изменилось, – Она почувствовала, что устала объяснять этим недоумкам, – Компас меняет направление. Да и вы сами уже, наверно, заметили, что солнце встает и садится не там, где положено. Оно смещается. А Дед завещал, – все замерли и вытянулись, как происходило всегда при упоминании Деда, – что, если компас будет смещаться, жди беды. Вода с Арктики и Ан., – Она запнулась и дальше выговорила по буквам, – тарктики ушла под действием центробежных сил на экватор и сейчас там раскручивает планету. Неизвестно, как та себя теперь поведет. Дед предполагал два варианта. Первый – все останется так же. Волна захлестнет по экватору Африку, Индию, центр Америки, пробьет себе дорогу и будет ходить вокруг Земли по кругу, сметая на своем пути препятствующую сушу. Второй – Волна, не сумев пробить себе дорогу, пойдет по другому пути, поперечному. В этом случае ей почти ничего не препятствует. Она снесет Аляску и попутно Антарктиду, и путь ее свободен. В первом случае стрелка компаса не изменится, во втором – она будет смещаться. Так вот, – подытожила Она, – стрелка компаса смещается. Значит, Волна нашла себе новую дорогу. И эта дорога – через нас.

Штормило. Ветер гудел и закручивал спирали по долине. Летели камни. Деревьев на вершине сопки уже не осталось, и он забавлялся тем, что метал сверху камни, обнажая скалистые пики, покоившиеся ранее в песке и щебне. Взбесившаяся Волна выбросила лодки далеко на берег, расхлестав их о стволы деревьев и скалы, и стремилась подобраться все ближе, отводить землю и заполнить мир.

В такую погоду все сидели дома. Разбрелись по своим пещерам, жгли огни, пытались испечь что-то из своих скудных запасов. Городской огонь был пуст. Хранители огня изредка подбрасывали в него, чтоб не затухал, влажные и потрескивающие ветки. Ей нравилось сидеть у огня и смотреть на борющееся за жизнь пламя, – то затухающее до синевы, то опять взметающееся ярким сполохом.

– Вот так и мы, – думала Она, – взлетаем и опадаем. Как огонь. То ярость и всепоглощающая сила, то слабость и запустение. Вот и сейчас. Опять пришла пустота. Что было, и что осталось? Люди, как муравьи, по всей суше. Машины, корабли, самолеты и космические станции. Уверенность в собственной силе, неизбежности и вечности мира. И... какой-то миг, прихоть небес. Мелочь какая-то, какой не должно было бы быть. Но свершилось. И вот мы такие, какие есть. Что осталось от цивилизации, такой гордой, уверенной, вечной? Островок в океане. Горстка людей, одетых в шкуры, забывших, что такое телевизор, азбука и чупа-чупс. Держащих в руках лук и стрелы, копье, нож, сделанный их камня. Металла-то уже не осталось, – поржавел. И картинки на скалах – остатки былой письменности. Да и те не интересуют. Не до этого. Как бы выжить – это главное. Охота, рыбалка, грибы, ягоды – это главное. Все остальное – второстепенное. Или совсем ненужное. Как и Она. Она тоже уже ненужная. Чужой человек в чужом мире. Кому нужны Ее взгляды и суждения, если они зависшие, ничего не значащие, не относящиеся к этому миру, к настоящей жизни? Кто поймет, что такое сигарета, рюмка вина, музыка, рвущаяся из динамиков, кино, танцы? Невозможно! Невозможно – все иметь и потерять... И жить дальше без всего этого... Невозможно!

– Сколько Ей уже лет? – попыталась вспомнить Она. – Наверно, уже далеко за сто. Сложно, даже невозможно установить течение времени. Особенно здесь. И сейчас. Когда небо скрыто облаками и туманами. Только изредка, в зимние бесконечные ночи небо иногда проясняется, и видны звезды. И ажурные потоки огня, текущие своими загадочными маршрутами.

Она вернула на место камень и сдвинула следующий. Такие лабиринты из камней сооружали в той, прошлой эпохе. Малая толика из того, что сохранилось надолго. Остальное стерлось, забылось под тяжестью тысячелетий. Как сотрется все то, что Она пытается сохранить. Все ее потуги обречены на провал. Все забудется. Человек опять начнет жизнь заново, изна-

чально. Отбросит все прошлое, превратит в сказки, легенды, вымысел. Как превратили в вымысел когда-то Атлантиду, Всемирный Потоп. И опять будет искать недостающее звено между первобытными людьми и современным человеком. Ему претит мысль о цикличности развития разума, претит считать себя не первым, а каким-то пятым, шестым, как считали майя. Опять будет считать себя вечным, самым разумным существом на планете. Не задумается о том, как хрупка и недолговечна отпущенная ему жизнь. Каких-то двенадцать тысяч лет. Конечно, для его ста лет это кажется бесконечным. Не в состоянии он объять такой длительный период. Если даже из той цивилизации люди извлекли крохи из прошлого только на глубину в семь тысяч лет. А куда делись еще пять тысяч? Более ранние? Сгинули во мраке времени. Или человек дошел до звериного состояния, и ему понадобилось пять тысяч лет, чтобы снова превратиться в самого себя? Пожалуй, что так. Человек – животное кочующее. Как кочующий и весь животный мир планеты. Попробуй-ка пожить стабильно на нестабильной планете. Когда она вместе со своим светилом постоянно качается относительно плоскости Галактики, периодически то удаляясь, то приближаясь к ней. Периодически то нагреваясь, то остывая. Соответственно этому колебанию на Земле наступают Всемирные Потопы, за которыми следуют Ледниковые периоды. Затем опять все повторяется. Через каждые двенадцать тысяч лет. Критические периоды жизни. То потоп, то холод. Потому человек вынужден постоянно двигаться. Вместе с теплом. Как перелетные птицы, только у тех период кочевки укладывается в год. Вот и нам наступает пора откочевывать. Солнце прошло плоскость эклиптики Галактики, и теперь Земля начнет понемногу остывать. Скоро на полюсах опять начнутся собираться нарастающие льды. Скоро к нам будет подбираться стужа. И тогда волей-неволей нам придется уходить отсюда. Жаль, не знали люди прошлой эпохи всего этого. Или не хотели знать.

– А они еще пытались разгадать загадку лабиринтов!?! – усмехнулась Она. – Но не успели. Разгадала я. Здесь, сейчас. Когда не оказалось под рукой ни дерева, ни ножа, как у Робинзона Крузо. Кстати, кто это? Опять создаю каменный лабиринт. Каменный календарь. Вот только камней побольше, чем было раньше. Не триста шестьдесят пять, а триста восемьдесят один. Земля после катастрофы стала вращаться медленнее. Впрочем, оно понятно. Все массы воды от стаявших ледников Арктики и Антарктиды, горных пиков стеклись к экватору под действием центробежных сил. И замедлили период вращения Земли. Потому и удлинился лабиринт. Лабиринт. Он все помнит. Все расскажет. Вот с этого камня начинается оттепель. В ту группу камней у берега проходит косяк трески, в ту – сельди. А в этот день, – Она ласково прикоснулась к белому кварцевому обломку, – появился он. И мы зачали нашу дочь. – Все было. И все запечатлено на века, тысячелетия в этом календаре моей жизни.

– А Ольга строит свой лабиринт. Тайком. Глупая! – Она случайно обнаружила эту спираль из камней, подглядела. Но решила не нарушать тайну дочери. Она делала все правильно. И пусть далекие потомки спустя двенадцать тысяч лет опять безрезультатно бьются над разгадкой их лабиринтов.

– Но майя ошиблись! – Она в этом уверена. – Они предрекали, что та, прошлая цивилизация, пятая по счету, будет последней. Почему? Что они знали такого, чего не смог узнать никто. Мы выжили. Наша цивилизация, шестая, возрождается. А не рано ли я радуюсь? – подумала Она. – Угрозы Солнца нет. Конечно, оно ожило, бурлит, пылает своими огненными лучами, плюется протуберанцами. Но не вспыхивает. Стабильное. И цвет не изменило. Не покраснело, такое же желтое. Другое дело – Юпитер. От него была основная угроза. Что вспыхнет, взорвется и своим огнем сожжет на Земле все живое. Но он не вспыхнул. Не было с неба испепеляющего огня, который должен был превратить нашу планету в некое подобие Марса. Все также мерцает в небе невзрачная звездочка. Все также, наверно, катится по его поверхности «красное пятно» – этот провозвестник вспышки, новая нарождающаяся планета второй звезды нашей солнечной системы. Не созрел Юпитер для этого, не состоялись роды. А значит, нам

отпущен еще один срок. Еще двенадцать тысяч лет. До следующего входа Солнца в плоскость Галактики.

Никто этого не ждал. Не думал. Мир жил уверенно. И в будущее глядел уверенно. Потепление – это мелочь, результат прогресса, технологий. Его можно исправить. Если человек в результате своей деятельности вызвал потепление климата планеты, то он это и может остановить. Он все может. Он – хомо сапиенс, человек разумный. Увы, он никогда не задумывался над тем, что природа, Вселенная сильнее его. Что такое человек? Некая разновидность органического мира, основанное на соединениях водорода, углерода и кислорода, присущих какому-то куску шлака, выброшенного звездой, болтающейся на окраине Галактики, угасающей, вырабатывавшейся, годной только лишь на списание. И вдруг это существо решило, что оно всемогуще. Опираясь на своих, созданных им самим в угоду себе идолов, богов, это шевелящееся Нечто возомнило себя Разумом. Да, на фоне всего шевелящегося человек, конечно же, должен был возомнить себя венцом творения. Но кто он на самом деле? Он является теплокровным, то есть относится к виду животных. Воспроизводит потомство внутриутробно, как все животные. То есть отошел немного от птиц, земноводных, насекомых и прочих. Живородящий, хотя и в других видах такое бывает, например, у рыб.

Человек не отделен от животного мира. Он принадлежит ему. Потому что живет в этом мире, связан с ним неразрывными узами. Ему присущи все признаки и характерные особенности существ животного мира.

Он всеяден. Употребляет в пищу как растительность, так и себе подобных. Это обусловило его выживаемость. Он независим от пищи и может приспособиться к любым условиям благодаря восполнению своей энергии как за счет живой органики – животные, пресмыкающиеся, рыбы, птицы, насекомые, – так и растительной. Эта всеядность дала ему громадный шанс на выживание. Никто другой в этом мире не приспособлен к этому. Разве что крысы из животного мира и тараканы из мира насекомых обладают таким же свойством. Остальные ориентированы на свои ареалы обитания и погибают в случае исчезновения источника питания.

Он агрессивен, как хищник, и даже хуже. Хищнику необходимо иметь свою территорию, чтобы питаться. И защищать от вторжения других хищников. Захватывать другие территории в случае изменения условий обитания. Человеку это тоже присуще. Он также склонен к захвату власти, как и вождь в стае. К обладанию деньгами, самками. К созданию своего ареала обитания. Он это завоевывает. Не зубами, как тигр, а другими методами, человеческими. Теми же деньгами, властью, женщинами. Хитростью, обманом, коварством и подлостью. Методы разнообразнее, нежели у льва или тигра, но служат одной и той же цели – создать свой ареал, свой мирок, свое государство. Где он будет жить уверенно.

Человек так же, как и все живое, служит только для воспроизведения своего рода. Основная цель у него та же самая, – оставить после себя потомство. Этот инстинкт заложила в него природа. И он, как и насекомые, рыбы, крокодилы и курицы рождает, воспитывает, охраняет свое потомство, пока то не станет на ноги. Половой инстинкт в нем также преобладает над всеми другими, ему он отдает большую часть своей жизни.

Единственное отличие человека от всего живого, – будь то рыба или птица, насекомое или пресмыкающееся, животное, – это то, что человек обрел разум. В какой-то мере. Более совершенный, чем у других видов. Он остался животным, но разум продвинул его несколько вперед по лестнице эволюции.

Он остался хищником, но расширил свой ареал обитания.

У него та же цель воспроизводства, но он создал лучшие условия для выживания своего потомства.

Он создал сообщество для совместного выживания, пусть и не такое идеальное, как у пчел и муравьев.

Он сумел приспособиться к выживанию в любых условиях. На планете в каждой климатической зоне живут только те виды, которые приспособились, адаптировались к окружающим условиям. Человек сумел приспособиться для выживания в любых условиях.

– На севере Европы существовали только одни горы – Хибины. Высотой до тысячи метров и более. Только их не смогла накрыть Волна. И только там выжили люди. Остальные – сопки Мурмана и Норвегии – высотой триста – четыреста метров – не смогли удержать натиск Волны. Но может... Откуда пришел Свен? Где-то кто-то выжил. Не все оказалось затопленным. И куда ушел? Если бы не нашел пути, вернулся бы. А он не вернулся. Значит, есть дорога на восток. Если, конечно, он не погиб в пути, не утонул, его не задрал медведь, не загрызли волки, не сожрали тюлени, не забили клыками моржи. Если... Очень много если, – вздохнула Она.

И опять будет все изначально. Опять Солнце уйдет вглубь, в сторону от Галактики. Во тьму, в холод. Опять покроется Земля снегом и льдом. На шесть тысяч лет.

И опять повернет Солнце вспять. Опять все начнет таять. И вернется жизнь на лоно планеты. На следующие шесть тысяч лет. Шесть тысяч... Как это долго! Даже будь Она Богом, ей не дожить до этих времен. Надо довольствоваться тем, что есть.

Она встала, приложила козырьком руку, чтобы спрятать глаза от яркого, лежащего на сопках солнца. Тонкая ниточка на склоне сопки – это они, Идущие Вперед. А Она остается. Она – Владычица Мурмана, Мать Му. Она – Керкира Ее имя – Она остается.

«Аз есмь царь!». Каждое слово – зов издалека. Что там Атлантида, от которой не сохранилось ничего, кроме легенды. Здесь каждое слово зовет к тем, далеким временам. Не до-Потопным. После-Потопным.

– Ты будешь царем! – сказала Она, и тут же поправилась. – Нет. Царицей. Твой муж будет царем. Над всей Землей Русской.

– Но Ма! – возразила дочь. – Как же! Неужто я позволю кому-то командовать? Управлять?

– Дочь, ты будешь управлять. И народами. И мужем своим. – Она усмехнулась. – Что не сможет сделать женщина, то не сможет и Бог.

– Я боюсь, мама! – Ольга прильнула к Ее коленям. – Не смогу я.

– Сможешь! – Она схватила дочь и подтолкнула к выходу. – Смотри! Это – стадо. Ты – вожак. Ты управляла здесь, помогала мне, изредка даже вела свою волю вопреки мне. Неужели ты не сможешь управлять этим стадом и дальше?

– Я... – Ольга замаялась, – я боюсь.

– Забудь это слово. Иначе не стоило мне страдать, мучиться в этой пещере от холода, дождя, грязи. Мне, выросшей среди благ цивилизации. В тепле, мире и радости. Когда эта радость казалась бесконечной. Я могла умереть сразу, не мучаясь. Под Волной это легко. Но Бог дал мне иной путь. Я следовала ему. Что я имела? Холод, голод. От вечной сырости мои колени уже не сгибаются, а как больно вставать и идти, – ты не представляешь! Я могла уйти в любой момент. Всего-то лишь броситься в Волну. Но я вытерпела, терплю и тебе приказываю: терпи! Это твоя Судьба. И ты должна пройти ее гордо и с достоинством. Чтобы никто не сказал: «Ольга оказалась слабой для таких дел». Бог на своих скрижалях начертил твою судьбу, и ты уже неподвластна другому. Я бы с радостью взяла на себя твою ношу, дочка, но я уже не смогу. Годы мои сочтены. Дальше Русь поднимать тебе. А я... – Она задумалась. – Я сделала все, что могла. Чтобы сохранить Русь. Поднимать ее – это уже твое дело.

– Мама, – Ольга осеклась. – Мать Му. Можно, я заберу с собой весь корпус амазонок. Мне это очень поможет в будущем пути.

– Весь – нет. – Она задумалась. – Оставь несколько человек. Лучших. Чтобы они воспитали следующее поколение амазонок, которых я отправлю вслед за тобой. Для тебя.

– Хорошо, Мать Му, – Ольга склонила голову. – Я согласна.

Она не смогла подняться на вершину, чтобы проводить их. Они уходили. Первые. Все повторялось. Каждые двенадцать тысяч лет.

Двенадцать тысяч лет назад Солнце в очередной раз вошло в плоскость Галактики. И был Потоп. Всемирный Потоп. Воспоминания о нем сохранились крупными в легендах и религиях разных народов. И о былых цивилизациях. Атлантида, Страна Му, Лемурия, Гондвана, Гиперборея.

Был Потоп. Потому что возросло тепловое излучение Галактики и ближайших звезд. Это тепло растопило вековые льды полюсов. Уровень воды морей и океанов поднялся, сушу затопило. Не везде. Над водой остались вершины некоторых горных массивов. На них-то и спаслось все живое. В том числе и люди. А потом, когда через сотни лет вода сошла, люди спустились вниз. И начался новый виток жизни. За тысячелетия выживания люди забыли все, чего достигли ранее. И спустя три-четыре поколения человек опять шел с каменными копьями и дубинками на мамонта, рисовал картинки на скалах и хранил огонь в пещерах. Поезда, самолеты, компьютеры и космические корабли будут, но в будущем. Через тысячелетия.

И вот опять все повторяется. Опять плоскость Галактики, опять этот треклятый двенадцатитысячелетний цикл, опять Волна, сокрушающая цивилизацию. И опять человек оказался у костра. В который уже раз.

В той, прошлой цивилизации ученые гадали, спорили, откуда же пошла Русь. Выдвигали свои гипотезы. Но так и не сошлись ни на чем.

А Русь-то пошла отсюда, с берегов Сейд-озера. Священного озера. Только здесь, на севере вода, ушедшая к экватору, оставила незатопленными горы Мурмана. Только здесь выжил человек. А потом двинулся на юг, спасаясь от наступающего Ледникового периода и осваивая освобождающиеся от воды земли Европы. Отсюда пошла Русь. Заселила всю Европу, и только море и неприступные горы на юге остановили ее. И хотя в последующем ее оттеснили наступающие с юга племена Ноя, а с востока скатившиеся с гор Тибета воинственные племена кочевников, Русь не исчезла. Она ассимилировалась с пришлыми, приняла их более легкий в произношении и письме язык, приняла их культуру. Но осталась Русью. Слова из ее языка остались в названиях рек и городов, в языке от Атлантики до гор Урала. В особенности это сохранилось в Восточной Европе.

И вот сейчас это повторяется. Уходит первая группа. В неизвестность. В пустынную Европу. Осваивать свободные земли. Первая. За ней пойдут другие. Неиссякаемым потоком жизни.

Она переместилась на камень, чтобы выбраться из подступившей тени. Как благодатно солнечное тепло! Особенно сейчас, когда прожитые годы тяжелым грузом давят на плечи.

Да, Русь пошла опять. Сохранится ли это имя спустя тысячелетия? Сохранится ли память о Мурмане, о некоей стране Му, – очередной? – прародине будущей цивилизации? Вспомнят ли о Ней, Матери Му, сохранившей осколки прошлой и заложившей ростки новой человеческой цивилизации?

Уходила Ольга. Странно все это, загадочно. Ольга – Хельге. Олег – Хольгерт. Игорь – Ингварь. Все повторяется. В прошлом цикле Изначальную Русь подымали те же Хольгерты, Хельги, Ингвари. Потом их имена переименовали в Игорей, Олегов, Ольг. Как и Рюрика. В Юрия. До христианства. Потом уже, после покорения Руси южанами стали давать новые имена – Владимир, Владислав, Изяслав и прочие. Но старые имена сохранились. Их невозможно было искоренить. Не удалось. Так и сейчас. Опять Русь уходит покорять, осваивать пустые земли Европы, и опять их ведет, как и двенадцать тысяч лет назад, Ольга. Хельга. Все повторяется...

Уходила Ольга. Со своей дружиной. Первые. Первые, кто, как и тысячи лет назад, обоснуются на холмах и равнинах, реках и озерах дикой Европы. Первые, потомки которых достигнут берегов второго Русского моря, – нет, не Балтийского, как его когда-то называли, а Черного. Его тоже когда-то называли Русским. Обоснуются и оградят Русь от волны ариев и протоалтайцев, которые хлынут опять на плодородные земли Европы с юга и востока. Лишь бы Русь успела. В прошлой жизни Китай отгородил себя Великой китайской стеной от вторжения монголов. Успеет ли оградить себя Русь? Может ли Ольга передать Ее Последний Завет своим потомкам? Смогут ли они выполнить его?

А ведь еще будут арабы. И там тоже надо будет ставить стену? Что было в прошлой жизни? Пришли арии, пришли арабы. Весь Запад в итоге превратился в кучку государств, потерявших язык и корни Родины. Только Восток остался, выстоял перед бурным натиском кочевников. Не разрушил себя и даже захватил большую часть Азии. Ту, что за Уралом. А на извращенном, покорившемся иноземным племенам Западе лишь кое-где в названиях городов, рек, местности осталось слово Руси – рось, прусь, фрязь, кельт, жмудь, круль, речь. Слова из языка Руси. Хотя, – задумалась Она, – на Руси тоже осталось мало. Те же саамь, чудь, весь, мерь, карель, ливь, – что они помнят из родного языка? Осталось что-то из финно-угорской группы, но ведь они же не помнят ничего! Как рождалась Русь после Потопа. Как упорно шла на юг, восток и запад. Как заплонила всю Европу от первого Русского до второго Русского моря, от Атлантики до Урала. Все забыли. Корни свои забыли. И так будет снова? Опять Запад Европы будет воевать с Востоком Европейским? Опять брат будет убивать брата? Пусть в седьмом, семнадцатом, двадцать седьмом колене. Увы, – вздохнула Она, – это неизбежно!

Запретная зона

Крушение

Экран был черным. Не осязаемо черным, как беззвездная ночь или, к примеру, неосвещенная комната. И даже не таким черным, как панели энергонакопителей, полностью поглощающих любой вид излучения. Чернота экрана вызывала неосязаемый страх. Будто за этой чернотой не было ничего – ни звезд, ни пространства, ни времени, ни мысли – абсолютно ничего. И хотя такое не укладывалось в голову, хотя Таной знал, что это обман зрения или даже не зрения, а внутренних чувств, что в действительности существуют и звезды, и пространство за стенами этого черного мрачного туннеля, чувство безысходности, своей ничтожности не проходило. То ли от этого чувства, то ли оттого, что внепространственный туннель, несмотря на заверения нейробиоников, все-таки воздействовал своими загадочными излучениями, голова Таноя раскалывалась от боли. Так было всегда, когда шли в подпространстве. И также одинаково у всех, кто дежурил на пульте, болела голова. Привыкнуть к этому было невозможно, как невозможно привыкнуть к радостям и печалям. Поэтому головная боль при внепространственных переходах воспринималась как неизбежность, которую оставалось только принять без попыток справиться с ней.

А белое пятнышко, яркое как близкая звезда, но в противоположность ей не обжигающее глаза, бесконечно далекий свет, обозначающий конец туннеля, до которого еще никому не удавалось добраться, живым во всяком случае, было еще далеко. И как корабль мчался к этому ярко блистающему во мраке пятнышку, так и Таной неосознанно, как мотылек на огонь, стремился всей душой на его далекий манящий свет. Казалось, не будь стенок корабля, державших Таноя в плену, он в своем неудержимом стремлении мгновенно достиг бы этого пятна и освободился от мрачной тяжести туннеля.

Но все было обманчиво – и безысходность, и жуткая граничность стенок туннеля, и мнимая досягаемость его конца. Чтобы справиться с этой обманчивостью, не позволить эмоциям взять верх над собой, Таной старался реже смотреть на экран монитора. Быстрый взгляд, чтобы убедиться, что пятно лежит по-прежнему на пересечении визира, и снова в сторону. Хотя экран звал к себе, манил, затягивал как омут. Не один пилот уже сошел с ума, поддавшись жгучему зову света. Конечно, можно было бы довериться автоматике и не рисковать понапрасну жизнью пилотов, но двойной контроль, контроль дополнительно пилота над автоматом, каким бы совершенным тот ни был, все равно необходим. К такому выводу звездные цивилизации пришли после неоднократных исчезновений кораблей в туннелях. Поэтому в пилоты шли самые крепкие парни. Слабонервным тут было не место.

Внезапно в голове вспыхнул, распустился малиновый бутон и тут же опал увядшими потухшими лепестками. Мысли Таноя мгновенно улетучились. Вглядываясь в экран и еще не успев осознать происходящего, он уже автоматически нажимал кнопки аварийного выхода из подпространства и торможения. Белое пятно на экране размывалось, сбивалось полосами помех, появлялось вновь в попытке стабилизироваться, но снова исчезало. По стенкам туннеля пробегали сполохи всех видимых и невидимых спектральных тонов, создавая на фоне черноты сатанинскую какофонию света. Таной, подключившись мысленно к Интелу, искусственному мозгу корабля, сжался, крепко вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники кресла. Трещали от непомерных перегрузок переборки корабля, один за другим выходили из строя автоматы. Силовые поля, бушевавшие вокруг корабля, пытались скрутить его и выжать как мокрую тряпку. Где запаздывая, где опережая команды Интела, Таной вступил наравне с ним в борьбу за спасение корабля.

Потоки силовых полей постепенно слабели, уже не так сотрясая корабль в своих могучих лапах. Затухали и сполохи света. Убедившись, что Интел справляется сам, Таной отключился от него. Медленно снимая оцепенение, разминая превратившееся в металл тело, он вытер струившийся по лицу пот и посмотрел на экран.

Туннеля не было. Исчезла томящая темнота, исчез яркий свет в конце туннеля. Теперь по всему экрану, черному, но уже не такому жуткому, рассыпались блески звезд. Холодные, застывшие в своей вечной красоте, они показались Таной до того родными и близкими, что по телу пробежала жаркая волна.

Распахнулся люк, и в отсек ворвались Эанна с Миуром.

– Что случилось? – по лицу Миура стекала из рассеченного лба струйка крови, пятная серебристый комбинезон. Но он не замечал этого.

– Не знаю, – Таной был озадачен. – Ощущение такое, будто на нашем пути возникла помеха.

– Но это невозможно! – воскликнула Эанна. – Не может в туннеле быть помех. Ведь в нем нет ни пространства, ни материи как таковой.

– В том-то и дело, – Таной поглядел на экран. – Такого еще не случалось. Не должно быть, но что-то же было. Что?

– Может, наш туннель пересекался с другим таким же туннелем. Может, на том корабле сейчас тоже бьются над этой загадкой, – Миур помолчал, тряхнул головой. – Нет, такого тоже быть не может. Там, где нет пространства, нет расстояний и, следовательно, нет и точек соприкосновения.

– Раз внешнее воздействие исключается, – сказала Эанна, – остается одно – неисправность самого корабля.

– Надо запросить Интел, – Миур, сосредоточившись, поднес руку ко лбу и тут же отдернул, изумленно разглядывая кровавые следы.

– Не стоит ему мешать, – остановил его Таной. – Интел и так работает сейчас на перегрузке – систему восстанавливает. Давайте и мы пока займемся собой. Опасность вроде миновала.

Планета-призрак

Миур полулежал в кресле, сконцентрировавшись на заживлении раны на лбу. Эанна помогала ему своим биополем. Кровь течь перестала, и на зарубцовывавшемся шраме уже появилась тоненькая бледная кожа. Серьезных повреждений больше ни у кого не было, если не считать нескольких синяков. Эанна немного прихрамывала, но ногой она решила заняться после того, как поможет Миуру.

По всему кораблю происходило движение. Сновали мусорщики, собирая осколки разбитых приборов, заращивались трещины в переборках, заменялись агрегаты и модули в вышедшей из строя аппаратуре. Самовосстанавливающаяся система корабля работала на полную мощь, и отвлекать Интела от управления ею не хотелось. Оставалось только ждать, изнывая от безделья, или же попытаться самому разобраться, где они очутились. Но это оказалось непосильной задачей. Расположение звезд и скоплений было абсолютно незнакомо. Хотя дальние галактики можно было узнать, – ведь они почти не меняются, несмотря на то, в какой точке ты находишься. Но исчезновение одних и появление на их фоне других звезд искажало знакомые очертания и сводило все попытки на нет. Единственное, что удалось установить Таной, – это то, что, судя по скоплению звезд в одной части плоскости и разрежению в противоположной, дисколет оказался где-то на краю галактики. На этом все закончилось. Без помощи Интела разобраться в этой неразберихе невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.